

Алена Несмеянова

ЭХО КАВКАЗА

Нескончаемая кавказская война.

Новочеркасск, 2026

Алена Несмеянова

Эхо кавказа

<https://litres.ru/74101498>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чёрное ущелье, сорок саклей на склоне скалы, холодная река, дым русских костров за поворотом. 1840-е годы. Кавказская война идёт уже двадцать лет, и в горах нет ни одной семьи, которую она не коснулась.

Здесь старики теряют сыновей и остаются одни, девушки выходят замуж за тех, кого не любят, вдовы не смеют снять траур, а беглые солдаты гибнут на горных тропах. Здесь каждый день — выбор между долгом и совестью, между обычаем и состраданием, между жизнью и смертью.

Эта книга — цикл новелл о людях, которых война застала врасплох. О тех, кто потерял всё, но до последнего оставался человеком. О тех, кто не мог спасти другого, но не мог и пройти мимо. О тех, чьи голоса звучат в ущелье и не замолкают.

Каждая глава — отдельная судьба. Каждая судьба — отражение эпохи, где человеческая жизнь стоила дешевле, чем когда-либо, но человеческое достоинство оставалось дороже всего.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Алена Несмеянова

Эхо кавказа

Глава 1

Аул, в котором жил Бекир, стоял в глубоком ущелье, стиснутом с обеих сторон такими высокими и крутыми скалами чёрного камня, что солнце проникало на дно его не более как на два часа в сутки, и то лишь в полдень, когда светило, поднявшись над восточным хребтом, заливало каменистое дно жарким, но коротким блеском, после которого тени тотчас же начинали расти, и холод, поднимавшийся из расклин, спускался на аул медленно, но неуклонно, как спускается вода в горах после того, как перестаёт таять снег на вершинах. Скалы эти были голы, и только кое-где на уступках, куда не доставал ветер, держался кустарник, да в расклинах, где скапливалась влага, росла трава, жёсткая и колючая, которую не брали ни козы, ни овцы, и которая к осени высыхала до такой степени, что становилась серою и ломкою, как старая бумага, и ветер, задувавший в ущелье по вечерам, носил её сухие стебли по камням, и они шуршали тихо и печально, как шуршат листья на могилах. Река, пробившая себе русло у самого подножия скал, была узка и быстра, и вода

в ней всегда казалась чёрною от тени, падавшей сверху, но если зачерпнуть её ладонью, она оказывалась прозрачною, холодною до боли в пальцах, и пахла камнем и снегом, который таял на вершинах, и этим запахом, свежим и острым, проникнуты были все прибрежные камни и все травы, росшие по берегам, так что всякий, кто подходил к реке, чувствовал его прежде, чем видел самую воду.

Аул, состоявший из сорока саклей, лепился по склону правого берега, так что крыши нижних домов служили двором для верхних, и глина, из которой были сложены стены, была взята из той же реки, и солнце высушивало её за лето до такой крепости, что ударить по такой стене можно было только ломом, но дожди, лившие осенью и весною, размывали её, и каждый год хозяева замазывали трещины свежим раствором, мешая глину с навозом и соломою, и от этого стены их приобретали тот желтовато-серый оттенок, который отличает все горные строения от равнинных. Крыши были плоские, земляные, и на них сушили кукурузу, разложив початки рядами, и резали мясо на длинные полосы, которые потом развешивали вдоль стен, и от этого над аулом всегда стоял запах, в котором смешивались дым, сушёное мясо, пресный хлеб, только что вынутый из печи, и тёплая овечья шерсть, которою были укрыты двери на зиму, и этот запах был так густ и так постоянен, что всякий, кто прожил в ауле хотя бы месяц, уже не мог его забыть и уносил его с

собою, куда бы ни уехал, как уносят память о доме.

Мечеть стояла отдельно, на выступе скалы, выступавшем над аулом, и минарет её был сложен из белого камня, привезённого из долины, и он белел среди чёрных скал, как единственное светлое пятно, и муэдзин, выходявший на него трижды в день, был виден из каждого двора и из каждого окна, и голос его, звучный и протяжный, разносился над ущельем и затихал только за поворотом реки, где начиналась дорога к русским постам. Но в последние годы голос этот звучал всё реже, и не потому, что муэдзин ослабел, а потому, что половина мужчин ушла на войну, и те, кто остался, не всегда собирались на намаз, собираясь по ночам у костров, чтобы говорить о том, что делается за горами, или вовсе молчать, глядя на огонь, и слушая, как ветер гудит в трубах, и как река шумит внизу, и как где-то далеко, за горами, лают собаки русских, и слышен этот лай, тонкий и далёкий, как будто он доносится из другого мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.